

18+

СТЕПАН ЛУКИЯНЧУК

ДЕНЬ ДЛИННОЮ В 10 ЛЕТ

РОМАН-МОЗАИКА. ЧАСТЬ 3

Степан Лукиянчук
День длиною в 10 лет.
Роман-мозаика. Часть 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51785151
ISBN 9785449850638*

Аннотация

По иронии судьбы, только оказавшись в тюрьме, Николай задумывается, для чего человек рождается, каким должен быть настоящий мужчина. И самый главный вопрос, как выжить в тюрьме? Шаг за шагом он учится наблюдательности, сострадательности, проходит суровую школу жестокой действительности. Мечтая о свободе, он страстно её приближает, но... в то же время он её боится, так как тогда потеряет успех, которого с таким трудом достиг.

Содержание

Часть 3. «Лёд тронулся!»	5
Глава 25. На этапе. Часть первая	5
Глава 26. На этапе. Часть вторая	15
Глава 27. На этапе. Часть третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

День длиною в 10 лет

Роман-мозаика. Часть 3

Степан Лукиянчук

Майя Киселёва *Дизайнер обложки*

© Степан Лукиянчук, 2020

© Майя Киселёва, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-5063-8 (т. 3)

ISBN 978-5-0050-2337-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 3. «Лёд тронулся!»

Глава 25. На этапе. Часть первая

Меня толкнули очень рано. Было около половины пятого или, может быть, даже четырёх утра. Завхоз сказал, что после подъёма надо сразу идти на вахту в дежурную часть. Там происходит сбор этапников со всех барakov.

На улице было ещё темно. В сумраке приближающегося утра, запретка, освещённая пронзительно яркой полосой, на фоне неба выглядела как-то неестественно грандиозно.

В жилой секции всё чаще начали поскрипывать кровати, начиналось шевеление, мелкая суэта, хождения туда-сюда. Молодёжь дрыхла мертвецким сном, добирая, досасывая каждую минуточку, пока в бараке не грянет подъём. Люди в возрасте с пяти, а некоторые и с четырёх утра были уже на ногах. Бессонница, какие-либо недуги или тревожные думы не давали им спокойно спать.

В свете ночника, подвешенного у выхода из спального помещения (так называемой «луны»), я осторожно, чтобы не шуметь, скрутил матрас в подобие волока и перетянул его простынёй. Сумки были собраны ещё с вечера. Нужно было оставить и сумки, и матрас поближе к выходу из барака, потому что, когда прозвонит подъём, начнётся сутолока, как

в московском метро.

Резко и всегда неожиданно трещит звонок подъёма. В спальной секции включился дневной свет. Я встал со шконки, ещё раз огляделся, осмотрел тумбочку – не забыл ли чего – и пошёл к выходу. Я взял сумку, взвалил на плечо тоненький ватный матрас и вышел на улицу. Зона наполнялась людьми, которые, как дикие звери в клетках, разгуливали в своих локалках от одного конца в другой. Скоро начнётся общая физзарядка. Я кивнул на прощание ребятам, сгрудившимся в курилке, легонько подопнул ботинком дверь локалки и направился в сторону вахты. По пути ко мне присоединились ещё несколько человек из разных барачков. Такие же этапники, как и я. Мы сгруппировались в нечто напоминающее колонну, чтобы лишний раз не раздражать сотрудников колонии, и двинулись дальше. Когда мы подходили к вахте, ДПНК (дежурный помощник начальника колонии) высунул свою голову в окошко и проорал нам, чтобы мы построились и ждали дальнейших указаний

Из рупоров, установленных в различных местах жилой зоны, прогремела ритмично музыка и холодный металлический голос безразлично произнёс: «Внимание, начинаем физическую зарядку! Первое упражнение: ноги на ширине плеч, руки на поясе...» – началась зарядка. Эту музыку и этот голос я до чёртиков ненавижу, потому что слышал его многие сотни раз, но по привычке уже на автомате стал дублировать слова, произносимые голосом, в уме: «На счёт –

раз, два – наклоняем туловище в левую сторону. На три-четыре – в правую. Упражнение начи-и-най! Р-раз, два-а... три, четыр-ре...»

На земле ещё сумрачно, но небо, особенно это заметно на востоке, стало светлее. Где-то на пятом упражнении физзарядки краем глаза я выхватил движение у выхода из барака СУС. Из барака под конвоем инспектора вывели двоих зеков и повели в нашем направлении.

Я смотрел на приближающиеся фигуры, и моё настроение от этого зрелища отнюдь не улучшилось. Некоторые товарищи из СУСа определённо могли осложнить взаимоотношения как между этапниками, так и доставить неприятности самому этапу. В нашей колонии барак строгих условий содержания представлял из себя весьма разношёрстную публику. В этом бараке отбывали наказание действительно настоящие авторитеты, и так называемый за глаза «блаткомитет», и простые мужики-работяги, и так называемые «красные» и хозобслуга. Изредка залетали в СУС зеки самого низшего ранга – «обиженные». Какую из вышеперечисленных мастей представляла приближающаяся к нам троица, пока было непонятно.

Тем временем зарядка подошла к концу. Несколько офицеров, безопасники, оперативники и помощник оперативного дежурного, контролировавшие это мероприятие, прошли мимо нас в дежурную часть. Вскоре весь наш этап под конвоем увели «под крышу» – большое по занимаемой тер-

ритории здание, совершенно изолированное как от жилой, так и от промышленной зоны, под крышей которого располагались камеры изоляторов, БУРов и помещение карантина. По своей сути это здание было не что иное как тюрьма в тюрьме. Здесь был проведён личный досмотр и обыск наших вещей, после чего наш этап развели по двум камерам изолятора. Нашей камерой оказалась четырёхместка (собственно, нас и водворили сюда вчетвером). Моими соэтапниками были некто Митяйкин из пятого барака, Виноградцев и Дубов – эти из СУСа. Ни их фамилии, ни их лица не были мне знакомы. Как и положено в изоляторе, шконки с обеих сторон стен пристёгнуты на цепи и задвинуты к стене (охрана изолятора отстёгивает их только на ночь). В углу у дверей параша. Посередине камеры стоял стол и две лавки, ножки которых вмурованы намертво в пол. Помимо внешних обитых железом дверей, были ещё одни внутренние решётчатые. Стены камеры окрашены в тёмно-коричневый цвет. Лампа в камере только одна, над дверью, и светила настолько тускло, что едва ли можно было что-либо прочесть, не напрягая зрение. Но это камера изолятора, куда бросают прощтрафившихся заключённых в наказание, поэтому не стоило ждать от этого места особого комфорта. Камера была тёплой, а это, исходя из моего когда-то горького опыта, уже великое благо для зека. Меня успокаивала мысль, что мы здесь ненадолго, всего лишь на несколько часов.

Как только мы зашли в свою камеру, Саша Белый (так

представил себя нам Виноградцев), сразу стал «наводить движуху». Он начал мастерить «бандюк» (бумажный свёрток, который запаивается герметично в полиэтиленовый пакет, чтобы внутрь не просочилась вода). В бандюк закладывается содержимое для транспортировки. Обычно это «насущенное» – сигареты, чай, спички. «Бандюк» привязывают к «коню» – скрученная из ниток верёвка в несколько метров с грузиком на конце. К «коню» привязывают «бандюк» или «маляву» и отправляют в другую камеру через окно или «дальняк» – парашу). Саша Белый засыпал в «бандюк» чай, выпорол из шва в фуфайке заранее спрятанного «коня», привязал «бандюк» к «коню» и передал это нехитрое изделие своему приятелю Дубцеву. Дубцев смыл «коня» в «дальняк».

Впрочем, думаю, стоит пояснить принцип действия этого самого «коня». Дело в том, что параша двух соседних камер неизменно соединяются в общей канализации. В определённое время участники «несанкционированной» межкамерной связи смывают в парашу «коней», концы которых, поступив в общую канализацию, переплетаются там между собой. Тем самым между двумя соседскими парашами возникает верёвочный путь. Верёвка должна быть достаточно длинной, чтобы камера, которая принимает «груз» с «насушеным» могла втащить его через парашу в свою камеру. Таким образом, установленная межкамерная связь называется «дорогой», а лица, непосредственно занимающиеся переправкой различных грузов либо «маляв», именуется «до-

рожниками» или «коневыми».

После того, как Дубцев смыл «коня», на парашу залез Саша Белый и стал подкрикивать в её отверстие. Ему ответил голос. Оказалось, что в соседней камере в одиночке сидел их знакомый из СУСа, который отбывал наказание в изоляторе. Груз с чаем, а затем и сигаретами со спичками были в скором времени благополучно переправлены в соседнюю камеру – «подогрели» пацанчика-страдальца.

Эти двое из СУСа меня сильно напрягали, особенно Саша Белый. Отчего-то он вдруг решил, что среди нашей четвёрки он лидер. Он считал, что как к человеку, сидящему в строгих условиях и «страдающему» за «людское», к нему должно быть особое отношение. Саша – худощавый высокого роста мужик с перебитой переносицей, навязчиво-требовательно просил, чтобы мы передавали по всем этапам, с кем встретимся, где только будем, что в СУС нашего лагеря нужны вещи: очки, кроссовки, часы, дезодорант, бритвенный станок, желательна марки «Жилетт» и прочее. «Это же я не для себя прошу, – бил себя в грудь Саша Белый, – мне этого ничего не надо. Я для пацанов в СУСе стараюсь!»

Меня его слова сильно удивляли. За всё время, проведённое мной в лагере, я никогда не имел часов, не имел дезодоранта и кроме зековских кирзовых ботинок ничего я не носил. Всё это, конечно, можно было приобрести у барыги, но лишних средств на такое излишество у меня не было. А тут встречается мне на пути «пассажир», который почти

требует подобные вещи, якобы для «страдающих» пацанов в СУСе. Мне бы так «страдать». Ну, попросил бы чаю, сигарет, трусы там, носки – эта нужда мне понятна. Часы же, причём именно механические, бритву, причём именно «Мак 3» – таких нужд я не понимаю.

Долго я ещё терпел его горячие пламенные речи. После того, как Саша Белый решил, что вправе учить меня арестантской жизни, мне пришлось вступить с ним в диалог.

– Белый, – прервал я его, – поправь меня, если я не прав. Я думаю, что почти наверняка в СУС ты загремел за систематические нарушения типа курения в бараке или сна в неположенное время. Ну, максимум, за то, что спалился с телефоном. Скажи мне, почему ты решил, что страдаешь за меня или ещё за кого-то? Ты страдаешь за себя, а не за общее дело. Во-вторых, я гляжу, ты прибаулен неплохо, куришь цивильные сигареты, верно, тебя с общего загрели хорошо перед этапом? А я вот поехал на этап, меня с общего даже ломаной сигаретой не угостили. Вот, Митяй, уже который час здесь самокруткой смолит, а ты куришь фильтровые и даже не предложил мужикам. Ты сидишь с нами в одной камере. Здесь все мужики. Если ты стремишься жить по понятиям, так прежде научись уважать окружающих тебя людей. А тот понос, который ты тут несёшь, побереги для лохов. Веди себя достойно. Здесь особенных людей нет.

После моих слов СУСовские переглянулись. Пыл Саши Белого поубавился. Остаток времени мы провели, почти

не разговаривая.

В нашей камере мы просидели весь день. Хорошо, что инспектор на проходе не отказался принести нам пару раз чайник с кипятком. Благодаря этому мы смогли попить чай и заварить сухпаёк. По непонятной причине с довольствия мы в этот день были уже сняты, поэтому ни завтрак, ни обед, ни ужин нам не были положены. Хотя фактически мы оставались на территории колонии, но документально здесь не числились. Где мы были всё это время – только Богу известно!

В половине десятого вечера нас вывели из камер и снова привели в дежурную часть. Потом по одному мы проходили через несколько решётчатых дверей, которые с мерзостным дребезжанием открывались перед нами по нажатию электрокнопки сотрудником колонии. Когда настала моя очередь, я торопливо прошёл железные двери и оказался снаружи периметра колонии. Нас усаживали в ряд на корточки лицом к стене с требованием сомкнуть руки за головой. Позади нас стоял конвой из нескольких автоматчиков и пары кинологов с рычащими овчарками. Старший конвоя, невысокого роста плотненький капитан, зачитал нам сзади, как скороговорку, предупреждение, что в случае провокации к нам будет применена служебная собака, а в случае побега, будет применено оружие.

– Встали и пошли! – с напряжением в голосе крикнул начальник конвоя. – Идём в колонну по двое, соблюдаем дистанцию. Не оглядываемся, не разговариваем!

Впереди три автоматчика, сзади три автоматчика, по бокам конвоиры со служебными собаками. Шли молча по песочной мокрой дороге. Неожиданно начал накрапывать дождь. Рядом со мной в колонне, взвалив сумку на плечо, топает Митяйкин. У него окладистая седая борода и гладко выбритый череп. Хотя годов ему, должно быть, не так много, эта его седая борода придавала ему на вид ещё лет пятнадцать сверху. Митяйкин всё норовит бежать вперёд, хотя нас предупредили, что ближе к впереди идущему конвою на 10—15 метров не приближаться. Я его толкаю своей сумкой, напоминаю. Один из конвоиров оборачивается и рыкает: «Не разговаривать!».

Идём. Впереди на дороге различаю парочку. Они ещё далеко, а зрение у меня подсевшее, я не различаю кто там. Парочка заметила нашу дружную процессию и зажалась в проём близлежащего здания. Проходя мимо, я повернул голову, посмотрел на них. Это оказались две девчонки-подростка. Они стояли у стены и во все глаза разглядывали нас. Нет, они смотрели на нас не как на зверей в зоопарке, а как на каких-то чудовищ, которые в любой момент могли кинуться на них. Что ж, мы заслужили такое отношение.

Идём по гражданской улице, по вольной улице. Странно мне всё вокруг, непривычно. В последний раз я шёл по этой улице семь лет назад, только в обратную сторону, когда меня этапировали сюда отбывать наказание. Оглядываюсь по сторонам, но стараюсь крутить головой пореже и незаметнее,

чтобы конвой не раздражать. Не смотрю – а как будто щупаю глазами, всасываю, впитываю, стараюсь запомнить ногами осязание вольной песочной дороги под моими башмаками, украдкой оглядываю здания и частные дома, дворы; поглядываю, как со стороны свободы выглядит наша колония. Мне хочется понять, что испытывают люди, смотрящие на наш лагерь, на место содержания заключённых?

А может они не смотрят, не замечают, не хотят замечать, потому что зрелище это неприятное, тяжёлое.

Глава 26. На этапе. Часть вторая

Наш этап был не очень большой. Конвой не испытывал каких-либо серьёзных трудностей. Сама колония располагалась на окраине маленького режимного посёлка, население которого едва ли достигало тысячи человек. В основном дома в этом селении были деревянными частными избёнками с приусадебными участками.

Нас вели по узким жилым улицам в сторону местной железнодорожной станции. Я шёл и украдкой посматривал по сторонам, смотрел на идущий впереди конвой, который, видимо по служебной инструкции, часто оборачивался и оглядывался на нас. Я смотрел на автоматы конвойных, которые они держали наизготовку и которые по той же самой инструкции они должны были применить в случае попытки заключённых к бегству. Глядел на всё это, и у меня вдруг возникла шальная, совершенно случайная мысль (просто мысль и ничего более): вот если взять и сорваться с места, нырнуть в проулок между домами, перескочить через деревянный забор и попытаться раствориться в ночной мгле – будет ли у меня шанс?

Я смотрю на чёрные дула покачивающихся автоматов, на лица конвоиров, на служебных собак, что бегут теперь слева от нас. Наверяд ли наш конвой в действительности ожидает побега, потому что подобного побега из-под конвоя

здесь никогда не случилось. Это было бы попросту глупо.

Но в отличие от моего физического тела, мысль моя свободна, порой даже я сам не мог ограничить её полёт. Мысль разгонялась, представляя передо мной всё новые образы, которые были настолько живы, что когда я подумал о том, как одним прыжком перемахиваю через забор, мышцы моих ног вздрогнули, будто повторяя это движение.

Конвойные сразу и вслепую стрелять не будут, нас окружают жилые дома и есть вероятность, что пули могут попасть по гражданским. Оставшихся конвоируемых зеков под дулами автоматов тут же втопчут в грязь лицом. Они будут не менее удивлены, изумлены и ошарашены, чем сам конвой. В ночной мгле вспышками застрекочут предупредительные выстрелы. Это предупреждение мне бегущему: «Стоя-ять! На землю!!!». Но разве я послушаюсь, испугаюсь? Я – бешеный пёс, я – волк, обложенный со всех сторон. Мои напряжённые мышцы вспухли от распирающего их адреналина. Кровь отхлынула от моей головы и всякие мысли вместе с ней, кроме одной команды, пульсирующей от мозга всему телу: «Беги-и-и!».

Кинологи спустили с поводков захлёбывающихся, оскалившихся собак. Они сорвались с места и тут же нырнули через деревянную изгородь в темноту вслед за мной.

Я бегу. Хлёсткими, садкими ударами ветки кустарников расцарапывают моё лицо в кровь. Я загравком начинаю ощущать злобное рычание преследующих меня служебных со-

бак. Лёгкие горят огнём, пышут жаром, ноги с непривычки наливаются свинцом. Я устаю и задыхаюсь. Мои ноги заплетаются, и я падаю. Сзади мощно наваливаются собаки и рвут меня, рвут...

А если случится чудо? Если мне каким-то невероятным образом удастся избавиться от собак, оторваться от неизбежного преследования? В моём распоряжении будет всего несколько часов свободы. И всё равно, какая это будет свобода?

Свобода, приносящая ещё больше страдания, чем неволя. Лагерное начальство, узнав о побеге, поднимет тревогу, немедленно будет оцеплена прилегающая территория, на единственных здесь грунтовой и железнодорожных дорогах будут выставлены блокпосты и засады, а по моему следу будут пущены новые группы автоматчиков с собаками. Собаки нападут на мой след, найдут, изорвут, как тряпичную куклу. Потом меня скрутят, доставят обратно в зону, посадят в изолятор. Будут бить, бить, бить... Пока не устанут. Потом будут «подмолаживать» ежедневно, но аккуратно, чтобы кровоподтёков не оставалось. Потом осудят, добавят срок за побег, за дерзость лет эдак на пяток... Мне останется грызть свои ногти, биться головой о стену и думать о том, какой безумный поступок я совершил.

Нет, этому не бывать никогда! Ничто на свете не заставит меня бежать сейчас. Помню, даже в то время, когда меня арестовывали на свободе, когда у меня был верный шанс

уйти в бега (и была такая первая спонтанная мысль), я поразмыслил, что мне это даст, и понял, что от самого себя не уйти, от совести не убежать. Зачем бежать, если потом все равно придётся сдаваться самому? Быть изгоем, бояться своей тени, ежечасно ожидать облавы – это не для меня. Гораздо лучше принять свой крест и нести его до конца. Хотя конец срока ещё не близок, но он уже не за горами. Я шёл по этой мокрой, чуть проваливающейся песчаной просёлочной дороге, в сумраке, под тихонько накрапывающим весенним дождиком и с усмешкой подумал, что и охранять-то меня теперь нет необходимости: никуда я от вас не убегу, граждане конвоиры!

Мы приближались к местной станции. Когда дорога привела нас к железнодорожной линии и мы упёрлись в рельсы, впереди идущий конвой завернул вправо. Мы пошли по насыпи из гравия. Впереди, в свете двух фонарей, угадывается перрон (просто уложенные вдоль линии железобетонные плиты). На перроне стояло несколько человек, ожидающих поезда. Конвой приказал нам сесть на корточки. Мы поставили сумки на гравий и сели. Конвоиры рассредоточились вокруг нас. Напряжение на их лицах несколько уменьшилось: скоро подойдёт поезд, они передадут нас другому конвою, и их работа на этом будет закончена. Так как во время пути мы вели себя смирно, то начкар выполнил своё обещание. «Можно курить!» – крикнул нам офицер. Кто курил – закурили. Тем временем дождик усиливался. Наши фуфай-

ки плохо спасали от сырой погоды. Они стали холодными и тяжёлыми. Материал уже не впитывал влагу, и она струйками стекала вниз, капая на землю. Наконец я с облегчением увидел впереди огонёк приближающегося поезда.

«Ухая», мощный локомотив медленно проследовал мимо нас. Машинист ловко остановил состав так, что столыпинский вагон, первый от локомотива, встал в нескольких метрах от сидящих зеков. Дверь вагона отворилась ещё на ходу. Когда поезд остановился полностью, из вагона высыпал столыпинский конвой – все как один молодцы в «бронниках». Начальник зоновского конвоя подошёл к начальнику столыпинского конвоя и передал ему толстые запечатанные папки-конверты личных дел заключённых. Офицер коротко рывкнул, и я услышал свою фамилию. Я поднялся, взял свои вещи и торопливо подбежал к нему, назвал свою фамилию, имя, отчество и от растерянности замолк. После стольких лет отвык я от этой процедуры «приёмки». Я думал, что принимающий офицер для сверки личности вполне удовлетворится этими данными, поэтому замолчал и ожидал от него команды.

«Что встал. Дальше говори!» – рыкнул начальник. Я начал тараторить всё сначала как положено: Ф.И.О., год рождения, статью, срок, даты начала и конца срока, режим отбывания наказания. Знаете, когда стоишь с сумками в обеих руках, а перед тобой стоит офицер с пытливо изучающим взглядом и сверлит тебя глазами под сумасшедший рык и лай

собак, хочется как-то поскорее провести эту процедуру сверки. Стараешься говорить очень быстро, на автомате выпаливать заученные слова. И не дай Бог сбиться, запутаться, привлечь внимание конвоя к себе задержкой. Во время приёмки охрана очень агрессивна, поэтому они легко могут отходить дубинкой по спине или ударить электрошокером.

– Пошёл! – махнул стопкой папок в направлении вагона начальник. Я подбежал к вагону.

– Первая камера – приём! – крикнул помощник начкара.

– Первая камера к приёму готова! – послышалось в ответ из глубины вагона.

– Пошёл! – это помощник крикнул уже мне, толкнув в спину. – Первый пошёл!

Я заполз по неудобным ступенькам в вагон с двумя сумками в руках. Встретив меня в тамбуре, стоявший там конвоир эхом вторил: «Первый!». Я пошёл по коридору внутри вагона мимо заполненных людьми решётчатых камер. В камерах было темно. Виднелись только оббитые вокруг решётки пальцы и примкнувшие к ней глаза. Грузили этап, поэтому всем было интересно, кого ведут.

В конце вагона у одной из камер друг за другом также в бронежилетах стояли ещё двое часовых. Ближний открыл раздвигающуюся дверь камеры: «Заходи, – и громко: «Первый!». Я протиснулся в узкую дверь. Камера была пустая. Свои сумки я сразу закинул на второй ярус, а сам сел вглубь на нижние нары, освобождая пространство для других, идущих

щих за мной заключённых. Долго ожидать не пришлось. Послышались уже знакомые однообразные крики: «Второй! – Второй! Третий! – Третий!..» В камеру один за другим боком заваливались этапники, заполняя её пустоту своими телами, сумками, волнением, суетой. Наконец послышалось: «За последним закрыть!». Последний из нас расположился около решётки. Хлопнула задвигающаяся дверь камеры.

– Приготовиться к обыску! – поступила команда конвоя.

Группа конвоиров прошла мимо нас по коридору. В коридоре остался дежурить один часовой. Состав поезда дёрнулся и медленно начал набирать скорость.

Нас посадили в первое купе, которое, судя по всему, служило «отстойником» перед шмоном и распределением в другие камеры. Вскоре пришли конвойные, начали «выдёргивать» нас из камеры по одному на обыск. Я решил, что пойду последним, чтобы не суетиться и немного посидеть спокойно. Когда из камеры вывели всех, кроме меня, и я остался там один, мне сказали распаковывать сумки и готовиться к обыску. Через несколько минут пришёл «шмональщик», одетый поверх формы в синий халат. Он попросил меня встать лицом к стене, развести ноги, развести по сторонам руки, вывернув ладони наружу. Он обыскал меня. Затем попросил повернуться к нему лицом, широко открыв рот, поводить языком в разные стороны. Потом сказал мне сесть на нары и довольно поверхностно начал осматривать вещи из сумки.

– Запрещённые предметы имеются? – непринуждённо спросил он. – Телефоны, сим-карты, ценные вещи, колюще-режущие предметы?

Я видел, что конвойный был расслаблен, вёл себя спокойно и не агрессивно. Поэтому я позволил себе шуточный тон.

– Откуда у меня телефоны, начальник? – ответил я. – Сижу столько лет, телефоны и в глаза-то не видывал!

Закончив досмотр, конвойный разрешил складывать разбросанные по купе вещи и вышел. Ещё через минуту меня вывели с вещами в коридор и перевели в другую камеру где-то в середине вагона. Я зашёл в купе и в полутьме различил незнакомые мне лица и кое-кого из наших.

– Здорова, мужики! – поприветствовал сидящих здесь я.

– Здоровенько были! – отвечали мне.

В таких случаях по неписаному закону тюрьмы первым поздороваться должен каждый входящий в новую камеру. Тем самым он выказывает уважение к находящимся здесь зекам, ожидая взаимное уважение в свою сторону, если, конечно... Если, конечно, считает себя равным «по жизни». Случается так, что у входящего «по жизни» не всё ровно. Если так, то входящий обязан «определиться» и рассказать, что у него «не так». «Обиженные» или «опущенные» – как раз из той категории зеков, у которых «по жизни» всё не просто. С такими в столыпине много не разговаривают и запинывают под ноги, под шконари. Считается, что они не достойны сидеть на равном положении в среде других арестантов.

Если в столыпине есть свободное купе, то охрана старается посадить их отдельно во избежание различных неприятных, а иногда и опасных инцидентов.

Я сел тут же рядом у решётки. Начался неспешный диалог: кто таков? Откуда и куда еду? То же самое люди рассказывали и о себе. Через некоторое время в камеру после обыска завели наших «сусовских». Так как этот народ часто ведёт себя беспокойно и склонен к различным провокациям, охрана обыскивала их дольше и тщательнее, чем остальных. Я решил не мешать общению с вновь зашедшими в камеру и освободить место внизу. Я снял ботинки, запихнул сумки под шконарь и полез в квадратное отверстие, располагающееся сразу около решётчатых дверей камеры, которое остаётся после раскладывания второго яруса. На втором ярусе вполне комфортно могут уместиться лёжа три-четыре человека. Я не остался на втором ярусе, потому что он был уже занят, а опёршись о него ногой, полез на третий ярус под самым потолком (в обычных пассажирских вагонах там располагается полка для багажа).

Минусы третьего этажа заключаются в духоте и задымлённости от табачного дыма (покурить в тамбур зеков никто не пустит). Зато на третьем ярусе у тебя нет рядом лежащего соседа и там можно растянуться во весь рост и спокойно лежать. Конечно, самым лучшим с точки зрения удобства является второй ярус. На нём можно и лежать, можно и сесть посередине не сгорбившись. Но самое главное пре-

имущество второго яруса – это возможность смотреть сквозь решётки в окно коридора на волю, если его откроют часовые. Само стекло окна непрозрачное, мутное. Но когда окно открыто, приспущено, обитатели верхних ярусов имеют возможность смотреть на волю, на остановках поезда видеть людей, разгуливающих по перрону. Поверьте, для зеков, которые годами видят только заборы, решётки и колючую проволоку, лицезрение воли, вольных людей – это возможность хоть на мгновение стать причастным к свободной жизни, хотя бы глазами побывать на свободе.

На нижнем уровне, на «первом этаже», лежать нельзя, потому что там сидячие места, рассчитанные на восьмерых человек. Это идеальное место для тех, кто не собирается отдыхать, а любит общаться. Иногда зеки меняются местами: люди с третьего, второго яруса спускаются, а люди снизу поднимаются наверх.

Нам предстояло провести в столыпинском вагоне несколько часов. Поезд будет ехать всю ночь до утра. В вагоне по обыкновению стоял гул нескольких десятков человек. Время от времени часовой, ходящий по коридору из одного конца вагона в другой, останавливался у какой-нибудь камеры и окрикивал, чтобы зеки громко не разговаривали. Добавлю пару слов об «оправке». Оправка – это мероприятие, когда арестантов выводят в туалет. Даже если не хочется, желательно туда сходить, потому что в другой раз, когда действительно «припрёт», этого может не произойти. Наверня-

ка, существуют какие-либо нормативные документы, в которых оговаривается, сколько раз арестантов должны выводить в туалет, а также сколько раз в камеры должен подаваться кипяток. Но арестантов в эти документы не посвящают (да и откуда это можно узнать, если нам запретили получать литературу, не оплаченную с собственного счёта!)

Я растянулся на третьем ярусе, подложил под голову фуфайку. Нары были деревянные. Заключённым не полагалось создание каких-либо комфортных условий в виде постельных принадлежностей. Я сильно устал, поэтому совершенно не обращал на это внимание. Я закрыл глаза в надежде подремать часок другой. В конце этапа, когда нас привезут в областной центр, предстоит долгий нервный день ожиданий, обысков, досмотров, расспросов, распределений по камерам. Это будет тяжёлый день.

Глава 27. На этапе. Часть третья

Сон никак не шёл. Может быть, только дремота овладевала мной периодически. Это было какое-то сомнамбулическое состояние, пребывая в котором, моё сознание отмечало всё-таки какие-то непродолжительные остановки поезда, однообразное постукивание железных колёс о рельсы. Я чувствовал едкий запах табачного дыма и порывы свежего воздуха, рвавшиеся в раскрытые решётчатые окна и доходившие порой до моего третьего яруса. Я слышал гул десятков мужских голосов, доносившихся из разных камер, редкие окрики медленно шагающего по продолу из одного конца в другой часового. Я слышал сквозь лёгкий сон всё – и в тот же момент ничего. Мои сны перемешались с реальностью, и их в этот раз было слишком много для одной только ночи. Запахи и звуки для меня сливались воедино. Этому «единому» есть только одно название, понятное каждому испытавшему горечь неволи – ТЮРЬМА!

«Трясаясь в прокуренном вагоне, он полуплакал, полуспал»...

Время от времени я открывал глаза и сквозь пелену видел одну и ту же картину: на полке против меня лежал сморщившийся скукоженный мужичок. Его колени были подогнуты, а обе ладони «лодочкой» были вложены между ними. Вжав голову в вязаной шапочке к груди, он вздрагивал, слов-

но от озноба, и мучительно скрежетал зубами. Что снилось ему в этот момент: тюрьма или воля? Судя по беспокойному сну, в любом случае, он был не из приятных.

В первые годы заключения мне снились «вольные» сны. Подсознание долго ещё отказывалось принимать действительность. Это были сны тревожные, беспокойные, мучительные. Иногда я просыпался и не мог сразу понять, где нахожусь. Сны были такие реалистичные. Ещё только мгновение назад я был в компании друзей и весело общался и вдруг видел перед глазами тусклый свет камеры, «шубу» на стене камеры или заборы, решётки, угрюмые, озлобленные лица. Мой мозг зависал в замешательстве: какая из двух реальностей была настоящая? Сон служил отдыхом и какой-никакой отдушиной. В то же время пробуждение казалось пыткой, когда ты болезненно понимаешь, что всё хорошее, что у тебя было, осталось во сне, а всё плохое продолжается с наступлением нового дня.

Бежали дни, мчались недели, пролетали месяцы, которые тихо, незаметно складывались в года. И вот ты уже не можешь отчётливо вспомнить, в каком году февраль был суров, а июль жарок. Лишь когда от любопытства начинаешь подсчитывать, сколько проведено за колючкой зим, вёсен, ошарашенно и с удивлением осознаёшь, какой невероятно продолжительный, сочный кусок времени вырвала из твоей жизни тюрьма.

С третьего яруса мне были слышны приглушённые голо-

са, обрывки фраз, доносившиеся снизу, оттуда, где располагались сидячие места. Сколько там сейчас находилось человек, мне было невдомёк. Но голоса двух из них с каждой минутой я начинал всё отчётливее различать среди общего гула. Кому принадлежал один из голосов, я точно определил. Это был голос «сусовского» Саши Белого с его характерным южным акцентом. Другой голос звучал чуть глуше, медленнее. Чувствовалось, что его обладатель явно знает себе цену. Он говорил медленно, отделяя чуть заметной паузой друг от друга слова, осмысленно многозначительно акцентируя ударения на наиболее важных из них. Вначале вроде бы не было ничего особенного, примечательного в этих голосах. Но потом темп речи стал усиливаться, голоса начинали звучать громче и агрессивнее. По обрывкам фраз, отдельным словам мне стало ясно, что хозяином другого голоса, оппонента Саши Белого, был также «сусовский», который ехал из Хорды, колонии особого режима, располагающейся километров на сотню глубже в тайгу от нашего лагеря. Саша Белый и тот незнакомец толковали какие-то свои дела «прущих по этой жизни людей». Вначале они общались друг с другом вполне доброжелательно, но впоследствии стали срывать на крик. Несколько раз дежуривший в коридоре часовой подходил к нашей камере и грозно осаживал: «Ну-ка угомонились все! Соблюдаем тишину!» Зеки из соседних камер, обеспокоенные тем, что конвой в случае нарушения порядка закроет все окна в вагоне и запретит ку-

ритель, также пытались вмешаться в спор. Но это воздействовало на спорящих ненадолго: спустя несколько минут, сначала тише, а потом всё громче и яростнее спор возобновлялся ещё ожесточённее. Вдруг я услышал брань на нижнем ярусе, затем оплеухи и звуки глухих ударов тел о деревянные межкамерные перекрытия. Я понял, что внизу началась свара. К нашей камере подбежал часовой и, увидев драку, быстрым движением нажал тревожную кнопку на стене коридора. Я сразу сообразил, чем для нас всех эта ситуация может закончиться. Я резко развернулся головой от решётки вглубь камеры и поджал колени к себе. Столыпин словно замер в тишине. Спустя несколько секунд послышался топот нескольких пар ботинок. Двое конвойных подтащили пожарный гидрант к нашей камере, и под сильным напором сквозь решётку залетела обжигающая струя холодной воды...

После инцидента, произошедшего в нашей камере, столыпин на какое-то время затих. Шума и суеты было много и, по сути, проблемы себе зеки создали сами на ровном месте.

Когда нижний ярус, где произошла свара, хорошенько пролили водой, двери камеры раскрылись. Дерущихся одного за одним выволокли за шиворот в коридор. На провинившихся обрушился град ругательств вперемешку с пинками и зуботычинами от разъярённого конвоя. Их растащили в противоположных направлениях, рассадив по разным камерам во избежание дальнейших конфликтов. Естественно, окна в столыпине закрыли и запретили курить, хотя и нена-

долго: зеки поодиночке стали залазить на третьи ярусы и курить там, выпуская дым под потолок внутри камеры таким образом, что было непонятно, в какой секции курят. Когда наконец нечем стало дышать, дежуривший в коридоре часовой, не выдержав, всё-таки открыл пару окон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.